

Переиграй убийцу!
Финал детектива выбираем
сами

Сергей Майоров

Иллюзия смерти

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 12

Оформление *С. Курбатова*

Майоров С.

М 12   Иллюзия смерти / Сергей Майоров. — М. :
Эксмо, 2014. — 352 с.— (Переиграй убийцу! Фи-
нал детектива выбираем сами).

ISBN 978-5-699-69510-2

В маленьком городке неожиданно-негаданно появляются цыгане, и вслед за этим начинают пропадать дети. Их, убитых, потом находили в лесу! Мальчик Артур и его друзья побывали на местах преступлений, и везде они находили одни и те же следы резиновых сапог с цифрами 43 на подошвах и трещиной на каблуке. Проходит немного времени, и в автокатастрофе погибают мама и бабушка Артура — машина, в которой они ехали, попала под колеса тяжелого трактора. Мальчик считает, что именно этот тракторист и есть тот самый серийный маньяк, но следствие находит сапоги с трещиной в таборе у цыган. Тогда Артур поклялся сам найти преступника. И вот прошло тридцать лет... Четыре альтернативные концовки детектива создают удивительное ощущение многообразия логических ходов и непредсказуемости нашей жизни.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Майоров С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2014

ISBN 978-5-699-69510-2

Глава 1

Я забрел в кафе и прошел в дальний угол. Сел за столик и осмотрелся. Первым на глаза попался бармен. Меня он тоже изучал внимательно, хотя и делал вид, что это нечаянно. Вторым оказался мужчина за соседним столиком. Увидев меня, он тут же отвернулся и уставился в окно безразличным взглядом. Так смотрят на чужие похороны или на воду в отсутствие клева.

За столиком у окна сидели еще двое мужчин. Они изредка притрагивались губами к чашкам с кофе и, казалось, находились здесь лишь по той причине, что были напрочь лишены фантазии. Я переглянулся с ними пару раз и более их не замечал.

Ничего необычного в моей внешности бармен не нашел. Лицо мужчины, которому слегка за пятьдесят, ничем не примечательное, слепленное Господом без всякого настроения. Я легко теряюсь в толпе. Женщины в моем присутствии не занимают выигрышных поз и не вытирают второпях пальцами уголки губ от помады. На вечеринку со мной они

Сергей Майоров

идут, когда все аристократы, значащиеся в их записных книжках, сослались на уважительные причины. Мне нравится производить первое впечатление, меня забавляет равнодушный взгляд, обращенный в мою сторону.

Пока я грел теплом рук коньяк, принесенный в пузатом тонкостенном бокале — напитки здесь подавать, к счастью, умели, — бармен, необоснованно затосковавший по стабильному доходу, снова принялся скрипеть полотенцем в стаканах. Здесь знают, что коньяк в рюмке такая же пошлость, как и водка в чайной чашке. Хотя, чего греха таить, если мне наливают в чашку, я пью, не протестуя. Но бармен хорош. Принес бокал и теперь спокойно протирает стаканы. Мы с ним чем-то похожи. Большую часть жизни в гремящем тоской одиночестве мы оба с ним что-то протираем. Он — стаканы, я — мысли.

Мужчина встал из-за столика и направился ко мне. Мне не оставалось ничего другого, кроме как поднять взгляд и согласно кивнуть в ответ на просьбу сесть напротив.

— Скорее всего, вы здесь проездом, — предположил мужчина и, начав беседу таким образом, предоставил мне право как следует себя рассмотреть.

Я разглядел его, пока он усаживался, и кивнул.

— Я тоже, — признался он и вдруг спросил: — Когда вы уезжаете?

— Мой поезд отходит в шесть утра. — Я глотнул коньяк и стал ждать, что будет дальше.

— Стало быть, почти семь часов. — Он потер подбородок.

Я не услышал скрипа щетины, так раздражающего меня. В одиннадцатом часу вечера мужчина выбрит, на нем надет хороший костюм. Все это располагало к знакомству.

— Если не секрет, куда едете?

Я назвал город.

Он удивился так, словно я сообщил ему о возвращении Одиссея в Трою.

— Невероятно... — пробормотал он. — Это же город, где я родился. — Мужчина попросил бармена приготовить кофе, а потом деловито поинтересовался у меня: — Скажите, как вы намерены распорядиться этими своими семью часами?

— Думаю выпить коньяку и отправиться на вокзал. — Я усмехнулся. — Этот город похож на кладбище.

— Я оплачу весь коньяк, что вы здесь закажете, если согласитесь выслушать меня.

— *А сами не пьете?*

— А сами не пьете?

— Мне запретил врач.

Выслушивать — моя профессия. Но никогда еще

Сергей Майоров

мне не приходилось это делать при таких обстоятельствах.

— Почему вы решили, что я тот, кто вам нужен? — спросил я на всякий случай.

— Кроме вас, здесь никого нет. Вы не знаете, как убить время. Лучшую кандидатуру трудно подыскать. Но надо же, какое совпадение!.. — снова поразился он тому, что Земля круглая. — Вы живете там, где когда-то и я...

— Я там не живу, но часто бываю, — уклончиво ответил я. — У меня квартира в этом городе.

— Я тоже там больше не живу. Вы бываете в парке у Дома культуры?

— Коньяк здесь дорог, — предупредил я.

— Пустое. — Он повернул голову и попросил бармена принести бутылку.

— Вы умеете заставлять слушать, — сказал я с горькой усмешкой, но ответа не последовало.

Этого человека рядом уже не было. Он находился в сотне лет от меня. Было видно, что ему трудно начать. Но мужчина, вероятно, вспомнил, что путь длиною в тысячу миль начинается с первого шага, поблуждал взглядом по серому пейзажу вокруг и заговорил.

Глава 2

«Город сошел с ума», — часто повторял отец в тот год.

Я не понимал, почему он так говорит. Как город может сойти с ума? Эти выкрошенные тротуары, похожие на надкусанные плитки черного шоколада, деревья, повисшие мускулистыми ветвями над ними, дома, посеревшие от старости и раздоров внутри себя. Как это все может сойти с ума?

В моем представлении на это способен только человек. Я был уверен в том, что даже животное, собака к примеру, сойти с ума не может. Потому что все собаки в городе и без того ведут себя как безумные. Они подбирают еду с дороги, ищут ее на свалках, спят в пыли и бросаются на машины. Я не встречал еще ни одной, которая вела бы себя прилично. Разве разумное существо будет поджимать хвост, рычать и оголять зубы при моем приближении?

— Город сошел с ума, — сказал отец, придя из

школы. — Снова пропал ребенок, на сей раз у Демидовых.

— У Демидовых? — Мама ахнула и заплакала.

Наверное, ей было нестерпимо жаль Демидовых. Так беззащитно мама плакала всегда, когда испытывала это вот чувство.

В городе стали пропадать дети. Сын Демидовых, Аркашка, был уже третьим, кто за последние два месяца вышел из дома и не вернулся. Детей искали все, кто только мог этим заниматься. Обвинять в беспомощности милицию никто не смел. Всем было хорошо известно, что сотрудники районного отдела ходят домой только для того, чтобы переодеться или пару часов поспать. Остальное же время они искали детей. Таких, как я. Только пропавших.

После исчезновения первого ребенка к сыщикам присоединились жители города, даже дети. Всякий раз, сбиваясь в группы, они с фонарями в руках обыскивали окрестности и находили то, что искали. Видимо, убийца не хотел устраивать головоломки.

Присоединиться к поискам, казавшимся мне увлекательными и опасными, порывался и я, но всякий раз мама осаживала меня, грозя ремнем. Она никогда не ударила бы меня. Я это знал и никогда не доводил ситуацию до той последней черты, за которой насилие было бы обоснованно и неизбежно. В этом, наряду с многими другими обстоятельствами, заключался особый смысл нашего

мирного сосуществования. Обе стороны хорошо знали, где находится эта черта, и никогда ее не пересекали.

Все началось с цыганского табора

Все началось с цыганского табора, забредшего на окраину нашего города. Они приехали на своих кибитках по асфальтовой дороге, ведущей из областного центра, и остались рядом с ней, лишь скатившись с обочины. Разбив лагерь и породив кучу слухов, неделю цыгане жили, утверждая мнение о себе как о народе мирном, недобрые слухи о котором ходят совершенно зря. Женщины в цветастых юбках и платках гурьбой бродили по магазинам, выпрашивали у прохожих или во дворах деньги, еду и вещи.

Это «ну дай хоть что-нибудь» во мне, сыне учитель, впервые в жизни пробудило отчаянную жалость и ни разу не возбудило страх. Именно жалость, еще не милосердие, нет, ибо в эту пору я еще не улавливал разницы между этими понятиями. Впрочем, и жалость я растолковывал для себя только лишь как сопереживание страданиям существа, более слабого, чем я.

Жалость была для меня привычным делом, я знал в ней толк. Менее жизнеспособное существо,

чем я, в нашем городе можно было сыскать лишь среди бездомных, физически слабых собак и кошек. Я сам был объектом жалости. Скажу вам, что это всегда неприятно и унижительно. За восемь лет я четырежды переболел пневмонией и почти убедил родителей в своем мучительном будущем. Я не понимал, почему зимой мне нельзя, как всем, есть снег и нужно наматывать шарф по самые глаза в не самую холодную погоду. Любая одежда, купленная по возрасту в областном центре, оказывалась мне велика.

— Наверное, пока я лежал в больницах и болел, ребята росли, — предположил я однажды.

Мама рассмеялась, подняла меня и прижала к себе. Я любил, когда она так делала. Наши лица соприкасались, я вдыхал мамин запах и чувствовал своим хлипким тельцем ее крепкую стать. При этом хорошо ощущалась связь между нами, то ли существующая давно, то ли появляющаяся именно тогда, когда она прижимала меня к себе. Но мне не хотелось задумываться об этом. Я не видел смысла в таких вот размышлениях. Если маме и мне нравится прижиматься друг к другу, значит, так нужно.

— Нет, дорогой, — ответила она, опуская меня на пол. — Это оттого, что ты совершенно ничего не ешь.

Цыгане, о которых я так много слышал и никогда не видел ранее, меня потрясли. Они были не такие, как мы, но выяснить, хорошо это или плохо, не

представлялось возможным. Они разговаривали громко, одевались ярко и странно. Курили все, в том числе и женщины, а некоторые из них даже трубки. Днем они разбредались по городу, оставляя в таборе только стариков и малых детей, а вечером разжигали костры и варили пищу в огромных котлах. Как и всем детям, мне был заказан выход со двора на то время, пока они находились в городе.

Взрослые видели дальше, и я даже не уточнял, что делать, если цыгане не уйдут никогда. Наверное, наши родители не раз сталкивались с этими людьми и знали, что они обязательно уйдут. Это непременно случится до того момента, когда мы, дети, вырастем. Вероятно, мои отец и мать думали так же, но я задавался вопросом, ответ на который вполне мог подорвать мое уважение к их знаниям. Какую опасность представляют цыгане и что делать, если они не уйдут теперь вовсе? Я не знал, испытывали ли подобную тревогу мои сверстники, и однажды поговорил об этом с Сашкой, приятелем, живущим в моем подъезде, на первом этаже.

— Мои родители сказали, что цыгане скоро уйдут.

— Мои тоже так говорили, — ответил он мне, ковыряясь в носу и поигрывая пластмассовым пистолетом, только что подаренным родителями.

Сашка жил в семье, почти терпящей бедствие. У его родителей — библиотекаря тети Нади и элек-

трика дяди Саши — было трое детей. Жили они в однокомнатной квартире. Приходя в гости, я не понимал, как они умещаются в ней и ухитряются спать. Мне представлялось, как тетя Надя или дядя Саша, проснувшись ночью, чтобы попить, наступают в кромешной темноте на Сашку, Серегу или Тоню. Иначе быть и не могло, поскольку кровать Сашкиных родителей стояла в углу, а дети спали на полу.

Зарабатывали Сашкины родители мало. Ко всем вынужденным бедам этой семьи постоянно добавлялась еще одна: дядя Саша любил выпить. Загуливал он только по праздникам и денег из дома не таскал. Я сам никогда не додумался бы так сказать, если бы дядя Саша не кричал это по три-четыре раза в неделю в подъезде в то время, когда тетя Надя хлестала его на пороге резиновым шлангом от стиральной машины. Меня это ужасало. Привыкнуть к разрешению таким вот образом противоречий в семье, хотя бы и чужой, я не мог. Тогда я накрывался одеялом с головой, чтобы не слышать этих остервенелых криков и утробного хрюканья резинового шланга, громыхавших по всему подъезду.

Утром я спускался к Сашке с ранцем за спиной, и мне казалось, что у меня не все в порядке с памятью. На моих глазах отец моего приятеля, худой и маленький дядя Саша, целовал высокую тетю Надю, которая была тяжелее его раза, наверное, в три. Она

улыбалась ему, называла его Санечкой и суетливо укладывала сверток с обедом в брезентовую сумку. Я всякий раз растерянно хлопал рыжими ресницами, чтобы убедить себя в том, что это мне нисколько не пригрезилось. В одиннадцать часов вечера — да-да, я не выдумываю! — эти двое под крики собственных детей опять бились насмерть на пороге своей квартиры.

Потом дядя Саша гладил своих детей по головам, заодно и меня. Он строго предупреждал нас, чтобы не шалили, после чего отрывал от календаря листок и тут же свертывал из него самокрутку. Этот процесс меня завораживал. Я переставал хлопать ресницами и, наоборот, замирал, чтобы лучше слышать треск листка и аромат табака. Мой рот наполнялся слюной восхищения, когда дядя Саша лизал краешек бумажки.

Сашка, Серега, Тоня и тетя Надя целовали друг друга, дядя Саша и тетя Надя в финале лобызали меня, и все наконец-то выходили на улицу. Этот ритуал продолжался изо дня в день, в нем царствовала атмосфера всеобщей любви и доверия. Если бы не лиловые, свежие, словно только что из печати синяки то под правым, то под левым глазом дяди Саши, я мог бы ручаться за то, что каждую ночь меня мучают видения.

Иногда мне думалось, что тетя Надя нарочно ставила эти памятные знаки на разные места, чтобы